

УДК 81-114.2

А.Д. Жакупова

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МНОГОЯЗЫЧНОГО МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ КАК СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА

Представлено теоретическое осмысление идей мотивологии в сопоставительном аспекте с учетом ключевых позиций антропоцентризма, которые реализуются через современную лексикографическую продукцию. Одним из таких источников является многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь. Рассматриваемый лексикографический источник, органично продолжая традиции антропоцентрического лексикографирования, характеризуется большим спектром информативных возможностей, служит целям изучения лингвистических и экстралингвистических явлений в языке и речи.

Ключевые слова: сопоставительная мотивология, мотивированность слова, лексикографирование, осознание.

Современное состояние лексикографической продукции отличается богатыми информативными возможностями. В словарях нового типа можно найти самую разную информацию: «от научного описания языка, его истории, современного состояния, объяснения заимствованных, малоупотребительных и устаревших слов до систематизации знаний, глубокого познания действительности, истории и культуры народа, говорящего на том или ином языке» [1].

Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь (ММСС), органично продолжая традиции антропоцентрического лексикографирования [2], характеризуется большим спектром информативных возможностей, является источником для изучения не только лексикологических/лексикографических проблем, но и вопросов, связанных с выходом в другие сферы научного знания – лингвокультурологию, когнитивную лингвистику, лингвострановедение.

Информативные возможности ММСС определяются, прежде всего, тем, что такой словарь представляет большую фактическую базу для становления и развития сопоставительной мотивологии как науки, для целостного исследования национальной специфики лексического явления мотивации слов в разных аспектах: в аспекте совершенствования методов и приемов мотивационного сопоставительного анализа (МСА), в аспекте выявления общности и различия мотивационной рефлексии носителей разных языков, в аспекте изучения особенностей категоризации и концептуализации мира метаязыковым сознанием, в аспекте формирования национальной языковой картины мира.

Каковы же значение и роль ММСС в жизни общества с точки зрения его аспектного многообразия?

На всесоюзной конференции «Теория языка и словари» (Звенигород, 1988) Ю.Н. Карауловым была сформулирована проблема «Человек и словарь» и намечены аспекты рассмотрения этой проблемы: социология слова-

ря, философия словаря, идеология словаря, психология словаря; каждому из названных аспектов был дан краткий комментарий [3]. Все эти аспекты и ряд других актуальны и перспективны и для ММСС. Остановимся на них подробнее.

Словарь обычно создается с учетом новых потребностей, нового адресата, актуальных лингвистических воззрений. «...Как словарь читают, что в нём ищут и кто, когда к нему обращаются? Всё это можно обозначить одним словом – **социология**» [3. С. 6].

Поскольку ММСС – это специальный словарь, в нём в развернутом виде дана полная характеристика мотивированного слова, «мотивационный паспорт» слова: лексический и структурный мотиваторы, внутренняя форма слова с её компонентами, мотивировочный признак в сопоставлении с номинационным, тип мотивированности. Эта сугубо лингвистическая информация важна, прежде всего, для лексикологов, ономастологов, изучающих состав и структуру мотивированного пласта лексики того или иного языка. Кроме специальных сведений, ММСС предоставляет экстралингвистическую информацию об особенностях осознания мотивированных слов носителями языков, о том, как они воспринимают языковую и неязыковую действительность, о том, каковы их знания о языке и о мире. Включённые в структуру словарной статьи показания метаязыкового сознания носителей языков, собранные в ходе «направленного» психолингвистического эксперимента, безусловно, заинтересуют специалистов в области когнитивной семантики, психолингвистики, лингвокультурологии, поскольку показания метаязыкового сознания представляют собой особым образом организованный способ интерпретации действительности языковым сознанием, позволяющий вскрыть глубинные механизмы и структуры обыденного сознания.

Сопоставительная антропоцентрическая лексикография пока ещё набирает темпы своего развития, и поэтому выход в свет ММСС не оставит без внимания компаративистов, которые смогут установить общие и специфические особенности лексического явления мотивации слов в разных языках и выявить национальную специфику мотивационной рефлексии.

В условиях глобализации и интеграции стран заметно возрастает роль многоязычных словарей, при этом их роль не исчерпывается использованием в процессе обучения языкам, они активно применяются в теории и практике перевода. При углубленном изучении иностранного языка (особенно лексики), а также при переводе немаловажным является знание того, как воспринимают то или иное слово носители языка, какие образы «всплывают» в их сознании, какие ассоциации возникают в момент осознания рациональности связи звучания и значения. Этот материал наглядно демонстрируют показания метаязыкового сознания, помещённые в словарной статье ММСС. Так, являясь важным научным пособием для различных разделов лингвистики, ММСС имеет и практическое значение.

Об **идеологии** ММСС отдельно говорить не придется, поскольку ММСС не диахронный словарь, в нём не отражается изменение значения того или иного слова, не даны оценочные характеристики слова в разные эпохи жизни общества. ММСС – словарь синхронного порядка, в нём содержится харак-

теристика слов, актуальная на данный момент времени с позиций носителя современного русского (болгарского и др.) языка. С определённой долей условности можно говорить об идеологии ММСС в связи с представленными в нём лексическими единицами, осознание которых вызывает затруднение у носителей языка. Так, русское наименование птицы **стервятник** носители языка объясняют следующим образом: «птица как-то(?) связана со стервой», «может, эта птица стержовная?», соотнося это название со значением слова **стерва** – ‘подлый, мерзкий человек’. Первоначальное же значение слова **стерва** – ‘труп околешего животного, скота, падаль’ [4. С. 323], лёгшее в основу наименования птицы, современным носителям языка неизвестно, отсюда в их сознании вычлняются значимые сегменты, но установление мотивационных (лексических или структурных) отношений не происходит. В таком случае мы говорим о процессе «окаменения» внутренней формы слова, о её лексикализации. Слов с лексикализованной внутренней формой в каждом из сопоставляемых языков приблизительно около 20%, а это значит, что за ними «прячется» небольшой фрагмент истории, который «раскрывается» благодаря мотивологическому анализу.

Философский аспект словаря, в отличие от идеологического, не связан с локальными и временными характеристиками, его следует рассматривать в связи с тематикой лексики, представленной в словаре. Философия как наука о законах развития природы, общества и мышления пытается ответить на вопрос: каково место человека во Вселенной? В свою очередь, антропоцентрическая лексикография предполагает составление серии словарей: «мир природы глазами человека, мир животных глазами человека, мир растений глазами человека» и т.д. [3. С. 5]. «Человек – центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [5. С. 5]. Этот тезис лежит в основе антропоцентрической лексикографии и определяет философию ММСС.

Разрабатываемый ММСС орнитонимов и фитонимов отражает восприятие человеком мира природы – всегда разного, загадочного, непознанного. Приведем пример. Русскому орнитониму **выпь** в болгарском языке соответствует **бик**, в польском – **вак**, в казахском – **оқпақ**, в татарском – **күлбога**. В сознании носителя русского языка данное наименование соотносится со звуками, издаваемыми птицей (из показаний метаязыкового сознания: «голос птицы похож на «ып-ып»», «поет, будто вопит»). Носители болгарского языка связывают данное наименование с образом большой птицы, наделённой громким голосом, как у быка («голяма птица, която прилича на бик», «птица, която има гръмък глас, като у бик»/«большая птица, похожая на быка», «птица, у которой громкий голос, как у быка»). В польском языке слово **вак** многозначное: 1) выпь; 2) слепень; 3) (игрушка) волчок, юла; 4) ошибка; 5) карапуз, бутуз [6. С. 18]. Сама птица **вак** хорошо известна полякам, поэтому не случайно в сознании носителя польского языка возникает образ птицы, движения которой напоминают вращательные движения волчка-игрушки («ptak, który umie się przewrócić, jak zabawka bąk»/«птица, которая умеет вращаться, как игрушка волчок»). Кроме того, они обращают внимание и на голос птицы, ассоциируемый с бормотанием («ptak, który jakby

бақа». Перевод: «птица, которая как бы бормочет (мямлит)»). Характерный голос этой птицы в сознании носителя казахского языка соотносится со звуками «оқ-оқ»: («*”оқ-оқ” деген дыбыс шығаратын құс*» / «звуки, издаваемые птицей, похожи на “оқ-оқ”»), а носители татарского языка акцентируют свое внимание на месте обитания птицы («*күл буенда очрый торган кош*» / «птица, встречающаяся около озёр»).

Таким образом, показания метаязыкового сознания, представляющие собой рассуждения говорящих на том или ином языке людей, помогают отразить объективный мир, в частности, мир природы, в языке и тем самым способствовать созданию целого комплекса ассоциаций, возникающих в сознании человека-носителя языка.

ММСС наглядно демонстрирует широкий спектр образов, антропометричных по своей природе. В сознании носителей разных, неродственных, языков мир природы оценивается по-разному, что находит свое отражение в мотивационной рефлексии говорящих. Интересным представляется факт, что в сознании носителей казахского языка мир растений и мир животных предстаёт как неразрывно связанное, единое целое, свидетельством этого служат следующие показания метаязыкового сознания: *итмұрын* – «растение, похожее на нос собаки», *касқыржидек* – «этой ягодой питаются волки», *торгайбас* – «растение, напоминающее голову воробья» и под. В представлении носителей татарского языка отдельные части растения ассоциируются с частями тела человека: *сакалтамыр*, *балтырган*, *күзлут*, *буре тырнагы* и др. Все эти примеры убедительно подтверждают мысль Г.Н. Складневской о том, что «мир ассоциаций, формирующих перенос, практически беспределен, а источник метафоры часто непредсказуем» [7. С. 64]. И если учесть, что источник метафоры – это мир реальных вещей и предметов, а «центр притяжения» метафоры – человек и все, что связано с его жизнью (Н.Д. Арутюнова), то закономерно следуют вопросы: Какова позиция человека во взаимоотношениях с природой? Как он себя в ней ощущает? Какое место он отводит себе в этом мире? Ответ на эти философские вопросы можно частично получить, обратившись к ММСС орнитонимов и фитонимов.

Лексикографическая разработка эстетического аспекта словаря связана, прежде всего, с осмыслением такой категории, как эстетика языка (ср. эстетика звука, эстетика слова, эстетика речи). Эстетическое восприятие действительности находит свое отражение в показаниях информантов, в которых особое внимание уделяется звучанию слова, его звуковому облику. Здесь необходимо учитывать достижения последних лет в области звукоимоведения (способность звука вызывать незвуковые представления) и фоносемантики. По наблюдениям А.П. Журавлёва, «звуки русского языка О, А, Л', Е воспринимаются как хорошие, а Ш, С', Ф' как плохие звуки, звук А – большой, а звук И – маленький...» [8. С. 33]. В ходе психолингвистического эксперимента были зафиксированы такие показания, в которых носитель языка «объяснял» значение того или иного слова, исходя из осознания гармонии звучания и значения: аист – «большой, светлый, красивый, лёгкий», альбатрос – «сильный, красивый, величественный», лебедь – «нежная, светлая,

женственная», турпан – «грубый, большой, сильный» и т.д. Подобных толкований в каждом из сопоставляемых языков насчитывается приблизительно 20%. «Разумеется, признаки «хороший», «большой», «гладкий», «лёгкий», «светлый» и т.п. в применении к звукам речи нельзя понимать буквально. Если звук оказался «большим», то это значит только, что он вызывает в подсознании некоторое впечатление, синестетически или ассоциативно сходное с впечатлением от восприятия чего-то большого, объёмистого, тяжёлого или значительного» [Там же]. Какой из народов наиболее «впечатлительный», какие ассоциации вызывают те или иные звуки у представителей разных языковых групп, какие звукообразы возникают в сознании людей при осмыслении связи звучания и значения? Ответы на эти вопросы помогут воссоздать эстетическую картину языков, отраженных в ММСС.

Обращаясь к показаниям метаязыкового сознания носителей языка при изучении мотивированности языкового знака, мотивология выходит за пределы собственно лексикологии и расширяет свои горизонты за счет привлечения данных из **психологии**. Апелляция к сознанию говорящих лежит в основе ММСС: именно результаты психолингвистического эксперимента являются ведущими в словарной статье словаря, они определяют микроструктуру словаря и формируют «мотивационный паспорт» слова; именно показания метаязыкового сознания способны вскрыть «реальную психологическую структуру значения языковых единиц»; именно метод психолингвистического эксперимента позволяет описать реальную, а не «искусственно смоделированную и «рафинированную» лексикографами структуру значения» [9. С. 20].

Однако не только привлечение экспериментальных данных определяет психологию словаря. Не менее важным является вопрос, «как соотносится взаимодействие человека и словаря с языковыми или коммуникативными потребностями личности» [3. С. 8]. Психологи утверждают, что речевое общение способно удовлетворить все потребности человека, в том числе в системе ориентации его в окружающем пространстве [10. С. 67]. Эта потребность в свою очередь нацелена на получение знаний о мире. И в этом смысле мы можем заверить, что рядовой носитель языка, «читатель» ММСС может извлечь из него для себя полезную информацию, узнать кое-что интересное о мире флоры и фауны.

Мысль об интерпретации МЯС объективной действительности находит отражение в **гносеологическом аспекте** ММСС, связанном с тем, какую роль данный словарь выполняет в *познании мира* – одном из центральных вопросов когнитивной науки. Гносеология ММСС отражается в первую очередь в его микроструктуре. Все информационные зоны словарной статьи важны в прояснении гносеологии словаря. Вводная часть, в которой дан латинский номенклатурный эквивалент и приведены некоторые сведения (толкование лексического значения) об объекте (птице/растении), позволяет читателю создать общее представление о нём. Когнитивная зона словарной статьи эксплицирует метаязыковое сознание носителей сопоставляемых языков, результат их восприятия и осмысливания языка (языковых явлений, языковых единиц), а также способность говорящего интерпретировать фраг-

менты объективной действительности через осознание связи звучания и значения слова. Характеризующая зона дает полное представление о лингвистическом статусе слова. Справочная зона позволяет читателю связать лингвистические знания со знаниями о мире.

Идея **культурологического аспекта** словаря принадлежит З.Г. Гаку, который считает, что отражение в словаре культурно-исторических сведений «повышает познавательную значимость словаря, а подчас оказывается необходимым для раскрытия значения слова» [11. С. 120]. Культурологический аспект ММСС неразрывно связан с гносеологическим. Показания метаязыкового сознания носителей языков являются уникальным источником культурологической информации, ведь носители языка «характеризуют» слово, исходя из своего собственного жизненного опыта, основываясь на тех знаниях, которые они получили из книг, средств масс-медиа, а также устным путем от людей старшего поколения, знатоков истории, мифологии, традиций, культуры и т.д. Травянистое растение с мелкими цветками, применяемое как лечебное средство, в русском языке получило название **зверобой**, в болгарском – **звъника**, в польском – **dziurawiec**, в казахском – **шайқурай**, в татарском – **ярабай**. Безусловно, что не все носители языков знакомы с данным растением и с истинной номинацией этого слова, отсюда и такие показания метаязыкового сознания: **зверобой** – «это ядовитое растение, если его съест зверь, то он умрет, как будто растение убило его»; **звъника** – «растение, у которого цветы как будто звенят» (звън – звон); **dziurawiec** – «растение, у которого на листьях дыры» (dziuga – дыра, пробоина); **шайқурай** – «растение, у которого очень целебный корень, отваром от него можно полоскать горло» (шай – полоскать, споласкивать; курай – стебель); **ярабай** – «растение, которым в старину лечили раны» (яра – рана). Если «суммировать» все показания метаязыкового сознания, то создаётся образ растения, характеризующегося множеством признаков. Обращение к фитонимической справке, помещенной в справочной зоне словарной статьи, позволяет получить следующие знания: «Растение в давние времена считалось волшебным и получило в поверьях несколько странное название – **зверобой**. Полагают, что значение этого слова восходит к тюрк. *джерабай*, означающему *целитель ран*» [12. С. 140]. Этимология: «Укр. *діробій*, Р.п. *-боя* – то же, блр. *дзіробой*, польск. *dziurowiec* – то же. Вероятно, преобразовано по народной этимологии из названия, близкого блр., которое, подобно укр., польск. и лат. словам названо так потому, что имеет прозрачные точки (дыры) на листьях» [13. С. 87]. В некоторых случаях толкование слова в специальной литературе, приведённое в ММСС, связано с характерными для конкретного народа легендами о той или иной птице/растении, притче, мифом, что и придает национально-культурологическую окраску словарю. На наш взгляд, подобного рода справки повышают объяснительную силу словаря и превращают чтение его в увлекательное занятие.

Анализ показаний метаязыкового сознания на материале отдельного языка (внутриязыковой анализ) позволяет выйти на уровень исследования языковой (национальной) картины мира, культурных стереотипов, что весьма ценно для лингвокультурологии. Однако национально-культурное свое-

образе незаметно «изнутри»), оно выявляется в процессе сопоставительного анализа, и этот материал предоставляет ММСС орнитонимов и фитонимов.

В содержательном плане ММСС органично сочетает в себе принципы и собственно мотивационного словаря, обслуживающего нужды лексической теории мотивации слов, и многоязычного словаря, позволяющего легко сопоставить и сравнить с мотивологической точки зрения наименования птиц и растений, и универсального словаря, включающего в себя лингвистические и «нелингвистические» (энциклопедические) сведения. В какой-то мере он учитывает пожелание С.Г. Бережана, предложившего «выработать принципы такого типа словаря, который был бы максимально информативным в плане охватываемых в разных зонах словарной статьи языковых и внеязыковых сведений» [14. С. 19].

Литература

1. *Мартынюк А.Я.* Русская лексикография: традиции и перспективы. URL: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/knp49_1/knp49_1_180-182.pdf
2. *Жакупова А.Д.* Концепция многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов // Коммуникативные аспекты прагматики и текста. Жешув, 2009. С. 44–54.
3. *Караулов Ю.Н.* Словарь и ч еловек // Теория языка и словари: Материалы всесоюз. конф., Звенигород; Кишинев, 1988. С. 5–10.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4.
5. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
6. *Стыпула Р., Ковалёва Г.В.* Новый польско-русский словарь. М., 2004. 500 с.
7. *Скляревская Г.Н.* Опыт системного описания языковой метафоры в словаре // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: сб. науч. ст. М., 1988. С. 63–69.
8. *Журавлёв А.П.* Звук и смысл. М., 1981. 160 с.
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* К методологии лингво-когнитивного анализа // Филология и культура: Материалы III междунар. науч. конф.: в 3 ч.). Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 20–25.
10. *Ковалёв А.Г.* Психология личности. М., 1965. 390 с.
11. *Гак З.Г.* Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический, этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: Сб. науч. ст. М., 1988. С. 119–125.
12. *Стрижев А.Н.* Русское разнотравье: справ. М.: Дрофа: Джамайка, 1995. 575 с.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Б.А. Ларина. Т. 2. М.: Прогресс, 1964.
14. *Бережан С.Г.* Современные требования лингвистической теории и реальные нужды практики в словарном деле // Теория языка и словари: Материалы всесоюз. конф. Звенигород; Кишинев, 1988. С. 10–19.